

А. Н. Попов

**Отечественная война 1812
года**

**Том 1. Сношения России с
иностранными державами перед
войной 1812 года**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А. Н. Попов
А11 Отечественная война 1812 года: Том 1. Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 года / А. Н. Попов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 510 с.

ISBN 978-5-458-01039-9

Отечественная война 1812 года. Том 1. Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 года. Историческое исследование.

ISBN 978-5-458-01039-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

разнообразныхъ данныхъ, свидѣтельствуя о закулисной сторонѣ огромнаго и упорнаго труда, который продѣланъ былъ въ теченіе многихъ лѣтъ покойнымъ историкомъ, прежде чѣмъ появились на свѣтъ первыя главы его глубоко продуманнаго, осторожнаго и въ высокой мѣрѣ добросовѣстнаго научнаго изслѣдованія, давшія въ свое время поводъ такому тонкому цѣнителю историческихъ трудовъ, какимъ былъ покойный академикъ Бестужевъ-Рюминъ, высказать взглядъ, что „какое-либо сравненіе между книгою А. Н. Попова и предшествующими ей сочиненіями было бы несправедливостью: такъ высоко стоитъ она, оставляя только мѣсто высоко художественной эпопее гр. Толстого“.

Дѣйствительно, безъ всякой примѣси неумѣстнаго шовинизма нашъ историкъ вскрываетъ передъ читателемъ, путемъ хладнокровнаго и терпѣливаго анализа, глубокія причины того рѣшительнаго крушенія, которое потерпѣлъ геній Наполеона въ великой національной борьбѣ, называемой нами, русскими, Отечественной войной 1812 года. Авторъ даетъ намъ возможность присутствовать при интересномъ зрѣлищѣ, показывая, какъ Наполеонъ, всегда вѣрный самому себѣ и лишь по временамъ озадаченный непредвидѣнными и непреодолимыми трудностями, былъ застигнутъ врасплохъ, вопреки удивительному дару своего предвидѣнія, съ одной стороны—необходимостью, продиктованной современными политическими событіями въ Европѣ: добиться скорѣйшаго заключенія мира съ Россіей, а съ другой—непреклоннымъ сопротивленіемъ императора Александра и его народа, нашедшихъ въ русской зимѣ могучаго союзника для нанесенія рѣшительнаго удара грозному врагу. Обладая богатымъ матеріаломъ для воссозданія исторіи этой единодушной національной самообороны, авторъ не пренебрегаетъ ни одной чертой, которая могла бы освѣтить душу русскаго народа, и прекрасно умѣетъ находить для cadaго изъ цѣлой серіи своихъ историческихъ портретовъ подобающее ему мѣсто. Онъ послѣдовательно знакомитъ насъ съ вождями русской арміи, руководителями ожесточеннаго сопротивленія до послѣдней капли крови, не живописуя, не голословно, а по самымъ ихъ дѣйствіямъ, по разговорамъ,

по перепискѣ; мы знакомимся съ самыми ихъ ошибками (которыхъ авторъ и не думаетъ скрывать отъ читателя), также, наравнѣ съ прямыми успѣхами, содѣйствовавшими какимъ-то роковымъ образомъ гибели врага, сперва завлеченнаго вглубь страны нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій Барклая де Толли, затѣмъ ослабленнаго не имѣвшими определеннаго исхода сраженіями, наконецъ обреченнаго на голодъ и лишенія вслѣдствіе сожженія Москвы Растопчинымъ, и щадимаго дальнозоркой предусмотрительностью Кутузова только для того, чтобы въ концѣ-концовъ онъ увидѣлъ, какъ, постепенно увеличиваясь, русская армія со все возрастающимъ ожесточеніемъ стала тѣснить его съ фланговъ на скорбномъ пути его безнадежнаго отступленія, завершившагося ужасами березинской переправы. Въ центрѣ всѣхъ событій читатель видитъ благородную фигуру императора Александра I, изъ отдаленія, съ высоты престола, направлявшаго ихъ ходъ, непроницаемымъ и гордымъ молчаніемъ отвѣчавшаго на всѣ примирительныя попытки врага и въ то же время съ ласковымъ благодушіемъ принимавшаго и выслушивавшаго совѣты друзей и ихъ внушенія, стараясь этимъ путемъ слить воедино тѣ разнородные элементы, которые сообще могли служить одной великой цѣли—дѣлу защиты его имперіи въ годину тяжкихъ испытаній. А. Н. Поповъ прерываетъ свой рассказъ на томъ моментѣ, когда русскій монархъ, лично прибывъ къ Одеру, счастливо обращаетъ противъ Наполеона обще-европейскую коалицію, созданную изъ державъ, незадолго передъ тѣмъ раболѣпно исполнявшихъ малѣйшія проявленія деспотической воли французскаго императора.

Въ описательныхъ частяхъ своего труда авторъ никогда не прибѣгаетъ къ тѣмъ яркимъ краскамъ, которыя плѣняютъ воображеніе, ничего не говоря уму: характерныя черты исторической обстановки и общественныхъ нравовъ выступаютъ у него лишь постольку, поскольку этого требуетъ послѣдовательно развивающійся ходъ повѣствованія. Несомнѣнно, что въ изслѣдованіи Александра Николаевича мы имѣемъ дѣло съ исторіей, написанной въ высшей степени объективно и носящей на себѣ явную пе-

чать пронизательного и обширного ума, способного лишь на точныя, обоснованныя сужденія и обладавшаго разносторонней эрудиціей, словомъ ума, которому доступны были всѣ источники поученія...

Къ сожалѣнію, печальная, необычная участь постигла многолѣтній трудъ нашего ученаго: преждевременная кончина самого автора, вырвавъ перо изъ его рукъ, не дала ему возможности видѣть самому свой трудъ напечатаннымъ сполна; часть рукописей пропала безъ вѣсти уже непосредственно послѣ его смерти (сюда относятся эпизоды, озаглавленные имъ: „Петербургъ въ 1812 году“), остальная отчасти печаталась уже долго спустя послѣ смерти автора въ видѣ отдѣльныхъ главъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, отчасти же осталась нигдѣ не напечатанной и появляется впервые лишь въ настоящемъ изданіи.

Конечно, минувшая четверть вѣка не прошла даромъ съ точки зрѣнія ближайшаго изученія и новаго освѣщенія славной эпохи 1812 года въ нашей исторической наукѣ: обстоятельными изслѣдованіями академика Н. Ф. Дубровина и Н. К. Шильдера слѣдано весьма многое, не мало новаго для общей оцѣнки эпохи привнесено и опубликованнымъ съ тѣхъ поръ богатымъ документальнымъ матеріаломъ officialнаго и частнаго характера; однако въ основныхъ и существенныхъ чертахъ трудъ Александра Николаевича Попова не утратилъ благодаря этому своего серьезнаго научнаго значенія и для настоящаго времени.

Когда покойный авторъ напечаталъ первыя главы предлагаемаго здѣсь читателямъ изслѣдованія своего о 1812 годѣ и имѣлъ счастье поднести ихъ Царю-Освободителю, Государь, прочтя ихъ со вниманіемъ (какъ видно изъ записки статья-секретаря кн. С. П. Урусова, сохранившейся въ бумагахъ покойнаго), выразилъ желаніе, чтобы ему было представлено и продолженіе этого „важнаго труда“. Къ прискорбію, этимъ знаменательнымъ словамъ незабвеннаго монарха, въ проведеніи великихъ государственныхъ реформъ котораго покойный А. Н. Поповъ принималъ самое близкое и дѣятельное участіе, не суждено было сбыться.

Выпускаемый нынѣ первый томъ представляетъ собою проверенную и исправленную по рукописямъ перепечатку ряда статей,

появившихся впервые въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія еще въ 1876 году, и служить какъ бы подготовительной ступеню къ дальнѣйшему содержанию труда.

Каждый изъ остальныхъ томовъ настоящаго изданія, обнимая въ отдѣльности болѣе или менѣе законченные эпизоды, будетъ снабженъ замѣчаніями, касающимися тѣхъ особыхъ условій, при которыхъ приходится печатать это обширное изслѣдованіе теперь, по прошествіи цѣлой четверти вѣка по смерти самого автора, а къ послѣдному будетъ приложенъ біографическій очеркъ объ Александрѣ Николаевичѣ, составленный на основаніи всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя редакціи только посчастливилось и впредь, быть можетъ, посчастливится собрать о покойномъ историкѣ, такъ мало еще оцѣненномъ какъ съ точки зрѣнія его научной, такъ и государственной дѣятельности.

Фотографическій снимокъ, приложенный къ настоящему тому, сдѣланъ съ лучшаго изъ сохранившихся портретовъ покойнаго, относящагося къ послѣднимъ годамъ его жизни.

Москва, июнь 1905 года.



СНОШЕНІЯ РОССИИ СЪ ЕВРОПЕЙСКИМИ ДЕРЖАВАМИ ПЕРЕДЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЮ ВОЙНОЮ 1812 ГОДА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сношенія съ Франціею въ 1811 году.

Въ началѣ 1811 года нашъ посланникъ при тюльерійскомъ дворѣ, князь А. Б. Куракинъ, писалъ императору Александру Павловичу: „Слухи о войнѣ Франціи съ Россіей распространены во Франціи и Германіи; впрочемъ можно сказать, что они и не прекращались со времени женитьбы императора Наполеона. Какъ ни старалось заглушить ихъ французское правительство, его попытки въ этомъ отношеніи были безуспѣшны, и оно не могло ихъ уничтожить вполне, потому что предпринимаемая имъ мѣры были въ совершенномъ противорѣчій съ его рѣчами и увѣреніями, которыя оно такъ щедро расточало. Присоединеніе цѣлыхъ государствъ во время мира и безъ всякихъ къ тому поводовъ, кромѣ удобства для Франціи (*la convenance de la France*), изгнаніе изъ его владѣній государя, ближайшаго родственника вашего величества, который своими владѣніями обязанъ великодушію покойнаго вашего родителя, и котораго обладаніе ими возстановлено было тильзитскимъ договоромъ, составляющимъ главное основаніе нашихъ теперешнихъ отношеній къ Франціи,—это, конечно, такіа дѣйствія, которыхъ значенія нельзя измѣнить никакими словами и увѣреніями. Испуганная Европа видитъ въ нихъ предвѣстниковъ новаго переворота. Всѣ государства или подчинены Франціи, или находятся подъ вліяніемъ ея правительства, и потому взоры всѣхъ устремлены на Россію, и всѣ считаютъ поступки Наполеона направленными противъ нея и грозящими равно или

поздно, но неизбѣжно, привести къ разрыву. Новый тарифъ, а особенно то впечатлѣніе, которое онъ здѣсь произвелъ, подтвердили это предположеніе. Если оно основано на знаніи характера Наполеона, самолюбиваго и страстнаго къ разрушенію, то нельзя отвергать и того, что въ то же время оно подтверждается и многими положительными данными и поэтому должно обратить на себя вниманіе. Впрочемъ, всякое сомнѣніе въ этомъ случаѣ было бы весьма опасно. Напротивъ, если мы остановимся на этомъ предположеніи и съ нимъ будемъ сообразовать наши расчеты и дѣйствія, то отъ этого произойдетъ несомнѣнная польза. Если въ настоящее время мы будемъ смотрѣть на войну, какъ на дѣло неизбѣжное, то успѣемъ сдѣлать всѣ приготовленія, чтобы вести ее съ успѣхомъ. Чѣмъ болѣе затрудненій мы въ состояніи будемъ противопоставить Наполеону, тѣмъ болѣе мы можемъ надѣяться обратить и его самого къ миролюбивымъ видамъ. Наоборотъ, чѣмъ менѣе мы будемъ приготовлены, тѣмъ болѣе онъ будетъ склоненъ начать войну, которая увлекаетъ его надеждою побороть единственную великую державу, еще сохраняющую возможность быть независимою и отклонять свою помощь ту гибель, которая постоянно угрожаетъ другимъ державамъ“ X

Даже князь Куракинъ, сочувствовавшій Наполеону и его семейству, желавшій поддержать союзъ Россіи съ Франціей, постоянно наблюдая вблизи характеръ Наполеона въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, понялъ наконецъ, что только внѣшняя грубая сила можетъ поставить въ границы его властолюбіе, не ограничиваемое никакими нравственными началами и окончательно утратившее въ это время всякое понятіе о различіи между истиною и ложью, честью и безчестьемъ, добромъ и зломъ. Дѣйствительно, только грозныя силы для обороны, приготовленныя Россіей, могли или отсрочить, или совершенно устранить хищническое покушеніе на ея существованіе, какъ самостоятельной державы. Поэтому совѣтъ нашего посланника не вѣрить миролюбивымъ рѣчамъ Наполеона и, смотря прямо на враждебныя его дѣйствія, приготовляться къ войнѣ, соответствовало какъ нельзя болѣе обстоятельствамъ времени. По такой совѣтъ не былъ новостью для русскаго

правительства, которое давно уже было увѣрено въ неизбѣжной войнѣ съ Наполеономъ и готовилось къ ней. Впрочемъ, не вопросъ о приготовленіяхъ къ войнѣ занималъ всѣхъ; но о томъ, можетъ ли Россія приготовиться въ той мѣрѣ, чтобы съ успѣхомъ противустоять грозному врагу. Князь Куракинъ, пораженный гениемъ Наполеона, какъ полководца, и зная огромныя военныя средства, которыми онъ могъ располагать, принадлежалъ къ числу тѣхъ, для кого этотъ вопросъ разрѣшался отрицательно. Полагая, что одна Россія не обладаетъ достаточными способами противустоять такому врагу, онъ совѣтовалъ ей искать заблаговременно союзниковъ. „Наканунѣ этого новаго переворота“, писалъ онъ, — „начало котораго опредѣлить невозможно, потому что онъ будетъ зависѣть отъ различныхъ случайныхъ причинъ и особенно отъ хода военныхъ дѣйствій французовъ въ Португаліи и Испаніи, я не исполнилъ бы своей обязанности и не удовлетворилъ бы требованіямъ моей личной преданности вашему величеству, если бы, указывая на положеніе Россіи, въ то же время не представилъ моихъ соображеній о тѣхъ средствахъ, которыя могли бы сдѣлать его болѣе благопріятнымъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ внѣшнимъ сношеніямъ, о которыхъ по моему званію я могу единственно судить по тому положенію, въ которомъ я нахожусь, то есть въ средоточіи всѣхъ политическихъ движеній“.

Въ представляемыхъ императору соображеніяхъ Куракинъ говорилъ, что стоить лишь взглянуть на карту Европы, чтобы замѣтить, что „отъ Пиренеевъ до Одера, отъ Зунда и до Мессинскаго пролива—все Франція“, и что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, все послѣдуетъ за тѣмъ движеніемъ, которое возбудитъ воля императора Наполеона. Въ этихъ государствахъ можно лишь рассчитывать на содѣйствіе *народовъ*, доведенныхъ до отчаянія, противъ ихъ угнетателей; но „извѣстно, какъ ненадежны подобные союзники, и что есть различіе между характерами испанца и голландца, нѣмца и италянца“. За этими небольшими государствами, которыя въ настоящее время можно считать какъ бы совершенно присоединенными къ Франціи, представляются *развалины* двухъ

монархій, когда-то могущественныхъ, но теперь ослабленныхъ, едва продолжающихъ безсильное существованіе и которыя могутъ быть немедленно уничтожены, лишь только бы Франція заподозрила ихъ въ связяхъ съ нами. Ихъ положеніе въ настоящее время весьма двусмысленно. Ихъ истинныя выгоды, конечно, влекутъ ихъ къ Россіи, потому что, если она погибнетъ, то никто уже не можетъ ихъ спасти. Сила обстоятельствъ, ложные расчеты, взаимное соперничество, которыми руководились кабинеты берлинскій и вѣнскій, подчинили ихъ игу Франціи. „Я не буду удивленъ“, говоритъ князь Куракинъ, — „если Австрія и Пруссія соединятся съ Франціей, — такъ неопредѣленны ихъ воззрѣнія, и такъ онѣ желаютъ обмануть себя въ приближеніи переворота, котораго сами онѣ, сначала одна, а потомъ другая, сдѣлаются неминуемыми жертвами“. Изъ этого-то неопредѣленнаго состоянія Куракинъ совѣтовалъ во что бы то ни стало вывести какъ Австрію, такъ и Пруссію, потому что прежде всего намъ необходимо опредѣлить ясно наши къ нимъ отношенія. Положеніе Пруссіи самое затруднительное: она окружена со всѣхъ сторонъ; ея крѣпости въ рукахъ французовъ; финансы истощены; армія убавлена въ числѣ и можетъ быть всегда уничтожена прежде, нежели успѣетъ сосредоточиться. Нельзя не опасаться, что для нея уже нѣтъ ни времени, ни возможности принять сторону, согласную съ ея дѣйствительными выгодами. Потокъ происшествій можетъ увлечь ее прежде, нежели она успѣетъ на что-нибудь рѣшиться. Поэтому крайне необходимо какъ можно скорѣе войти съ нею въ соглашеніе и предупредить то мгновеніе, когда она будетъ поставлена въ положеніе выбирать между Россіей и Франціей. Съ одной стороны необходимо, чтобы она знала, что при всякихъ обстоятельствахъ можетъ на насъ надѣяться, если даже возбудить противъ себя Наполеона, а съ другой необходима увѣренность, что мы можемъ на нее рассчитывать. „Конечно, вопросъ этотъ въ сущности сводится къ 60 тысячамъ войска; но не лучше ли, чтобы онѣ были за насъ, нежели противъ насъ?“

Что касается до Австріи, то вопросъ объ отношеніяхъ къ ней имѣетъ гораздо большее значеніе. Австрійская армія состоитъ по

крайней мѣрѣ изъ 200 тысячъ, а потому это государство еще имѣеть вѣсь въ дѣлахъ Европы. Ея присоединеніе къ той или другой сторонѣ можетъ имѣть рѣшительное вліяніе какъ для нея самой, такъ и для Россіи. „Вашему императорскому величеству“, писалъ князь Куракинъ, „хорошо извѣстны какъ мой взглядъ на австрійскій кабинетъ, такъ и тщетныя мои усилія, въ то время какъ я былъ посланникомъ въ Вѣнѣ, укрѣпить взаимное согласіе между имъ и нами, которое такъ согласно съ нашими взаимными выгодами и такъ необходимо для поддержанія ихъ. Но обстоятельства того времени, и особенно эрфуртскіе переговоры, такъ сильно смутившіе австрійскаго императора, послужили непреодолимымъ препятствіемъ, несмотря на всѣ усилія съ моей стороны. Въ настоящее время достигнуть этого соглашенія сдѣлалось еще труднѣе“, — конечно, вслѣдствіе семейныхъ узъ, соединившихъ габсбургскій домъ съ императоромъ Наполеономъ. Несмотря на то, Куракинъ совѣтуетъ Александру попытаться вновь войти въ переговоры съ вѣнскимъ дворомъ, чтобы обезпечить намъ если не содѣйствіе Австріи, то по крайней мѣрѣ ея нейтралитетъ. „Бракъ эрцгерцогини Луизы не доставилъ Австріи никакихъ существенныхъ выгодъ со стороны Франціи. Императоръ Наполеонъ не щадитъ никого и при исполненіи своихъ замысловъ не стѣсняется узами самаго близкаго родства, чему служить доказательствомъ судьба его братьевъ, Людовика и Люціана. Вѣнскій дворъ сильно ошибется, если подумаетъ, что этотъ бракъ послужитъ ему защитою“.

На это именно обстоятельство князь Куракинъ совѣтовать особенно упирать при переговорахъ съ Австріей и надѣялся, что они могутъ повести къ благопріятнымъ послѣдствіямъ, но единственно при томъ условіи, если мы успѣшимъ заключить миръ съ Оттоманскою Портою какъ можно скорѣе, и при этомъ на такихъ условіяхъ, которыя не возбудили бы подозрѣній со стороны Австріи. „Но по этой ли одной причинѣ мы должны усиленно желать окончанія этой войны? Нѣтъ“, отвѣчаетъ князь Куракинъ на этотъ вопросъ, — „но особенно потому, что этотъ миръ можетъ имѣть важное вліяніе на политическое наше положеніе вообще,

которое до тѣхъ поръ, пока продолжается война съ турками, не будетъ представлять достаточнаго ручательства въ томъ, что мы можемъ располагать необходимыми средствами, чтобы противостоять такому врагу, какъ Наполеонъ. Образование въ огромныхъ размѣрахъ средствъ для обороны должно быть исключительнымъ предметомъ нашихъ заботъ, потому что отъ этого зависитъ наше будущее существованіе. Мое мнѣніе таково, что для этого мы должны пожертвовать въ настоящее время всѣми видами на увеличеніе владѣній, что только отвлекаетъ наше вниманіе отъ главнаго предмета заботъ. Эти виды могутъ осуществиться вполнѣ, когда положеніе Европы будетъ болѣе благопріятнымъ для ихъ осуществленія и не подвергнетъ насъ тѣмъ гибельнымъ послѣдствіямъ, которымъ, къ нашей бѣдѣ, мы можемъ подвергнуться нынѣ, если упорно будемъ ихъ преслѣдовать. Дунайскія княжества и Сербія могли бы образовать независимыя государства, подъ обезпеченіемъ трехъ державъ — Россіи, Австріи и Турціи, которая будетъ только получать отъ нихъ ежегодно опредѣленную подать. Такое ихъ устройство, съ одной стороны, не противорѣчило бы нашимъ прежнимъ заявленіямъ объ этихъ княжествахъ, а съ другой, — его, по всей вѣроятности, не отвергла бы и Турція. Миръ, который послѣдовалъ бы тогда, и оборонительный союзъ съ Австріей и Пруссіей, не былъ ли бы гораздо полезнѣе для насъ, въ виду тѣхъ замысловъ, которые питаетъ противъ насъ императоръ Наполеонъ, нежели приобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи? Таковы, заключаетъ Куракинъ, — „три важныя послѣдствія, которыхъ, по моему мнѣнію, намъ слѣдуетъ достигнуть какою бы то ни было цѣной и я считаю священнымъ долгомъ обратить на нихъ вниманіе вашего величества“ *).

Мы изложили подробно содержаніе этого донесенія нашего посланника, потому что выраженный въ немъ взглядъ не принадлежитъ лично ему одному, но составлялъ въ это время общій взглядъ всѣхъ тѣхъ дипломатовъ и государственныхъ людей всѣхъ державъ, не исключая и Франціи, которые не были безсознательно

*) Донесеніе князя Куракина императору Александру отъ 6/18 февраля 1811 года изъ Парижа.